

ПОСЛЕДНИЙ
АЛЕКСАНДР
СЕКАЦКИЙ
ПОСЛЕДНИЙ
ВИТОК
ПРОГРЕССА

Александр Куприянович Секацкий

Последний виток прогресса

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272336

Секацкий А. Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспарации). Исследование.: ООО «Издательство К. Тублина»; С.-

Петербург; 2012

ISBN 978-5-904744-09-0, 978-5-8370-0639-5

Аннотация

Книга Александра Секацкого посвящена анализу важнейших процессов современности. Здесь представлена новая философия денег, исследуется тихая революция в сфере эротики и сексуальности, очерчиваются контуры новообретенной синтетической медиа-среды. Словом, автор дает абрис того мира, в котором все меньше места остается подлинному, «классическому» субъекту, однако пришедший ему на смену хуматон как последняя версия человеческого в человеке чувствует себя в этой новой реальности словно рыба в воде. Самое главное часто происходит на задворках громких событий, а затем обнаруживает себя внезапно, как нечто непоправимое и окончательно свершившееся.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	27
3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Секацкий

Последний виток прогресса

(От Просвещения

к Транспарации)

© А. Секацкий, 2012

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2012

© А. Веселов, оформление, 2012

Часть 1

Преобразования субъекта

1

Статус философии как социальный индикатор

Критика массовой культуры, одно из любимых интеллектуальных упражнений XX столетия, возникла когда-то как наследница и правопреемница критики здравого смысла, продолжив начатое еще Френсисом Бэконом выявление предрассудков. По сравнению с философией Просвещения и немецкой классической философией особенность нового типа обличений состояла (и состоит) в некотором смещении критической парадигмы: если прежде *обыденное сознание* критиковалось за свойственное ему невежество, то, начиная с определенного момента, главным поводом для негодования интеллектуалов стала *пошлость*. Отсюда вытекает и своеобразное негативное определение: массовая культура есть то, что отвергается за пошлость, при этом сам вердикт о пошлости обжалованию не подлежит.

С позиций инстанции вкуса родоначальниками новой

критической парадигмы выступили Бодлер, Ницше и Поль Валери; с позиций теоретической философии – Ортега-и-Гассет. С тех пор обличение пошлости культурного выбора масс само давно уже превратилось в заезженную пластинку: каждый очередной вклад можно оценивать преимущественно по содержащейся в нем доле язвительности. Но продолжающееся использование дежурных разоблачений представляет и другой интерес, прежде всего с точки зрения сформировавшейся зоны избирательной слепоты (*meconnaissance* Лакана). Мыслитель левого крыла (то есть современный интеллеktуал) всегда находит, что сказать в адрес эксплуататоров, под какими бы благопристойными личинами они ни скрывались, есть у него что сказать и по поводу современной профанации духовного производства, но вот с обоснованием перехода от одной критической вариации к другой возникают явные трудности.

Условия задачи, стоящей перед левым теоретиком, примерно таковы: как, выражая солидарность с эксплуатируемыми кроткими агнцами (наследниками пролетариата), одновременно уберечь их же от ответственности за овечьи нравы современной массовой культуры? Для решения задачи обычно прибегают к помощи диалектического аттракциона (Э. Ласло, А. Глюксман, Р. Гароди): необходимо выявить формы угнетения, которые в этом случае особенно тщательно скрыты. В результате дело, как правило, сводится к механизмам оболванивания обездоленных, к навязыванию угне-

тателями своих пошлых вкусов и к другим подобным же приемам дезориентации трудящихся, например к «потока-нию низменным потребностям». Виновниками, разумеется, являются потакающие, а не потакаемые, которые, напротив, обладают презумпцией невиновности.

Обращает на себя внимание принимаемое «по умолчанию» предположение, будто демократизация общества – это одно, а та же самая демократизация, разворачивающаяся в сфере культуры, – нечто совсем другое, например «навязывание стереотипов», выдавание подделок за чистую монету, одним словом – хитрость господствующего разума («цинического разума», как сказал бы Слотердайн). В конце концов возникает наивный вопрос: почему так мало противников демократизации общества (все «за») и столь же мало сторонников демократизации искусства? Иными словами, почему в этом пункте столь редка последовательность аналитической мысли и так очевиден *meconnaissance*?

Если не считать колебаний Георга Лукача и Антонио Грамши и решительной, но противоречивой позиции теоретиков Пролеткульта (прежде всего А. А. Богданова), среди левых интеллектуалов практически не найти сторонников экспроприации в сфере искусства как процесса духовного производства (а не как «сокровищницы», которую можно и нужно изъять у буржуазии). В результате имманентные друг другу явления получают противоположную оценку «без объяснения причин». Например, инфляция социальных эта-

лонов (присвоение звания «господина» или «милостливого государя» булочнику и мусорщику) рассматривается как социальное завоевание трудящихся и вообще как фактор прогресса цивилизации, а точно такое же социальное завоевание, состоящее в облегчении доступа к артефактам культуры, напротив, рассматривается как инфляция общечеловеческих ценностей.

Культуриндустрия (воспользуемся этим термином из «Диалектики Просвещения») не рассматривается даже как частичный прогресс в деле освобождения, стоящий в одном ряду с сокращением рабочего дня и введением всеобщих избирательных прав. Однако, если напрямую спросить, чем же доступная культура хуже доступного жилья, ответ найдется не сразу. Возникает даже подозрение относительно самой формы доступности: а что, если принцип демократичности обнаруживает здесь свою невидимую прежде сторону? И не может ли данное обстоятельство бросить тень на демократизацию вообще?

Кроме того, выясняется, что внятно сформулировать отличие массовой культуры от культуры элитарной не так просто, как может показаться. Действительно, если отбросить чисто оценочные суждения, вроде «пошлости» и «потворства низменным вкусам», мы обнаружим лишь один значимый параметр – положение на шкале «легкодоступность – труднодоступность». Но можно ли упрекать культуру за ее слишком легкую доступность?

На самом деле очень даже можно, только тогда уж надо быть последовательным. Чрезмерная доступность культуры автоматически вызывает понижение статуса духовности. Кажется бы, ну и что: доступность автомобиля тоже лишает его статуса предмета роскоши, однако никому не приходит в голову сокрушаться по этому поводу. Дело в том, что культура изначально выстроена как иерархия ценностей и дистанцирована (это входит в ее определение) от режима повседневности. Отсутствие или даже сокращение такой дистанции приводит к сущностной эрозии базисного проекта человеческого в человеке, но политкорректная философия не хочет признавать, что эрозия вызывается именно упразднением дистанции, предпочитая вновь говорить об «опошлении» и «засилье чистогана», о проникновении товарной формы в духовное производство. Ведь стоит признать, например, что *высокое искусство* зависит от своей высоты и с ее утратой лишается и собственной сущности, как сразу же возникает необходимость пересмотреть роль дистанций в организации социальности. Автоматическая доступность культуры, вплоть до ее вызова нажатием кнопки, меняет в ней что-то принципиально важное даже безотносительно к содержанию, а отсутствие встречной аскезы читателя или зрителя приводит и к содержательным изменениям.

Таким образом, массовая культура, взятая в ее ценностной нейтральности, – это прежде всего новый способ адресации определенного типа сообщений: это послание с *достав-*

кой на дом. Посылка, за которой приходилось «идти на почту», теперь вручается потребителю прямо в руки расторопными медиа-посредниками¹. И здесь мы сразу же сталкиваемся с общей проблемой трансляции знаний, в частности с моментом сокровенности истины. Приходится отметить, что сокровенность и выстраданность истины конституирует форму истинного вообще. При этом дистанцированность истины мотивируется самыми различными способами – от хасидского принципа «Шехины в изгнании» до гегелевского «результата вместе с процессом». И во всех случаях эзотеризм выступает как некая оптимальная форма организации и трансляции знания.

Развивая дальше напрашивающиеся выводы (пока в предварительном порядке), нетрудно заметить, что *картезианская революция* предстает как демократизация истины: пафос Декарта состоит как раз в общедоступности ясного и отчетливого, а результатом революции становится торжество рационализма. Процесс демократизации истины идет рука об руку с политической демократизацией и даже кое в чем опережает ее: можно смело сказать, что рационализм и либерализм – это близнецы-братья, хотя и не помнящие родства. Демократизация культуры несколько запаздывает по времени, но следует тем же закономерностям – все ее основные

¹ Жак Деррида в своей «Почтовой карточке», обыгрывая метафору почтовой связи, странным образом обходит такие важные параметры, как скорость и время доставки (Деррида Ж. Почтовая карточка. М., 1998).

этапы параллельны общему процессу распада иерархий (например, появление периодической печати в XVII веке подготавливает почву для доставки на дом тех ценностей, к которым прежде приходилось совершать паломничество). Гора долго не хотела идти к Магомету, но его упорство победило. гора сдвинулась и пошла.

Новый ускоренный способ дистрибуции культуры сразу же вызвал негативную реакцию субъектов духовного производства – и продолжает вызывать ее до сих пор. Защитники общедоступной истины и всеобщих гражданских прав отнюдь не приветствовали звоном щита явление массовой культуры, хотя и не смогли дать никаких вразумительных объяснений по этому поводу. Теоретическое рассогласование между органически родственными тенденциями сохраняется и даже усиливается. Так, к примеру, право Художника отказать в снисхождении потребителю творческого продукта продолжает отстаиваться в качестве принципа (и подкрепляется различными премиями и грантами, вручаемыми, как правило, наименее снисходительным творцам), но фактическое положение дел демонстрирует безраздельное господство массовой культуры. Отказ Гегеля изложить свою философию «кратко, популярно и по-французски» сегодня может рассматриваться только как элемент кокетства, например как призыв к сценаристам и прочим медиа-посредникам: «Ребята, для вас есть хорошая работа».

Резко критическое отношение к культуриндустрии абсо-

лютного большинства специалистов по словам содержит в себе моменты необъяснимости, какой-то фатальной непроясненности оснований. И все же суть недоговариваемого упрека можно эксплицировать в духе Деррида: культура с доставкой на дом не сохраняет важнейших кондиций собственной изначальной определенности. Разрушаются витамины роста (духовного роста страждущих), пропадает всхожесть семян... Отсутствие необходимости встречных движений со стороны адресатов приводит к гиподинамии. Обе стороны, и отправитель и получатель, несут серьезные потери, а в конечном счете и невосполнимый ущерб. Имплицитно критика массовой культуры предполагает, что исчезновение разности потенциалов неминуемо влечет за собой свертывание деятельности, переход к простой репликации наличного.

Но если такое обвинение признать справедливым, от него можно оттолкнуться в последующем рассмотрении сопредельных феноменов. По аналогии уместно будет задаться вопросом: а не так ли точно обстоит дело и с общедоступностью гражданских прав? Что, если и здесь автоматическая доставка на дом приводит к схожим последствиям? Сопоставление «массовой демократии» с массовой культурой еще недавно могло бы показаться лишенным оснований, но именно схожесть последствий, проявившаяся в самое последнее время, подтверждает обоснованность сближения.

Ростки демократии точно так же чахнут, если отсутствует встречное усилие субъекта. Пока еще никто не опроверг

мысль, поэтически выраженную в строках Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

Утрата всех различий между господином и *первым встречным* подспудно приводит к медленным, но необратимым изменениям. Сегодня мы можем говорить о перерождении демократии и ее преобразовании в политкорректность. Ручная, одомашненная свобода не заслуживает своего имени, точно так же как массовая культура не заслуживает принадлежности к родовому имени «культура». Если уж столько говорят о «потворстве низменным вкусам», пора задуматься и о результатах потворства гражданскому инфантилизму, тем более что они вместе (в содружестве с облегченной истиной) образуют континуум, лишенный внутренней иерархии. Принадлежность к этому континууму не требует специальных подтверждений и принимается по умолчанию. Нетребовательность, снисходительность, попустительство могут рассматриваться как общие черты принадлежности к континууму любого духовного порядка. Инфляция ценностей приводит к предсказуемому исходу: никто больше не дорожит своей причастностью ни к гражданским правам и свободам, ни к *произведениям*, заставлявшим трепетать сердца паломников. А раз не дорожит (да и как можно дорожить дешевой?), то и не собирается ничем жертвовать ради того, что

когда-то было выстрадано всей европейской историей. В результате бесконтрольная, общедоступная, прежде выстроенная в иерархию, а теперь сваленная в кучу атрибута субъекта «портится» и расхищается. Принадлежность к континууму обеспечивается предъявлением пропуска простейшего образца: предъявлением денег. Речь не идет о какой-то определенной сумме вроде имущественного ценза – достаточно в политкорректной форме обозначить их наличие, это и будет паролем: «Мы с тобой из одного континуума, ты и я». Так в первом приближении выглядит пришедшее на смену иерархической духовности новое единство: массовая культура (культуриндустрия) – доступная массам истина (позитивизм) – общедоступная обесцененная демократия (политкорректность). В дальнейшем мы будем называть это единство «Плоско-Субъектный Континуум», сокращенно – ПСК.

Что же должна делать в такой ситуации философия? Следует ли ей вновь претворить себя в критику действительности, как это было сделано во времена Маркса? Учитывая схожесть положения вещей, такая реакция была бы естественной. В сущности, она и последовала: критика ПСК началась одновременно с его формированием, но с самого начала шла с явным перекосом. К примеру, «здравый смысл» никто не рассматривал как экспроприацию истины у ее монополистов – наоборот, его осуждали и продолжают осуждать как проявление невежества. Изобличение массовой культуры, возникшей из упразднения духовной иерархии, продолжается

неустанно. Но вот критики экспроприированной у господина и распределенной между первыми встречными свободы что-то не слышно.

Таким образом, «дальнейшая» философия оказывается у развилки, причем выбор любого из двух направлений связан с немалыми трудностями. Можно, к примеру, проявив последовательность, подвергнуть критике ПСК как единство всех его составляющих. Исследование такого рода могло бы называться «К критике общедоступной демократии». Нет сомнений, что оно носило бы маргинальный характер, как и все выступления против политкорректности, контрколонизации, засилья экологического маразма. Ни один европейский или американский университет не отважился бы предоставить работу профессору, публично отстаивающему подобную точку зрения.

Другая возможность связана с новой попыткой самоопределения философии. В этом случае философия должна покинуть свою привилегированную позицию, расположенную по ту сторону житейской мудрости, и смириться с экспроприацией своей родовой собственности – тезауруса европейской метафизики. Следует признать, что пресловутая сокровищница духа растащена по частям или утеряна в неостребованности, – и тем не менее духовные запросы сегодняшнего дня, какими бы они ни были, нужно принять как руководство к действию. Так врач, лишившийся своих справочников, энциклопедий и большей части хитроумных приспособ-

соблений, все же должен прибыть к больному и попытаться оказать ему помощь.

Сегодня субъект, к которому обращается отказавшийся от своих наследственных привилегий философ, – это *первый встречный*. Он, вообще говоря, не слишком симпатичен, но, во-первых, и пролетарии, представшие когда-то перед младогегельянцами, отнюдь не выглядели агнцами, а во-вторых, другой коллективной аудитории попросту нет: за единством первых встречных сразу открывается архипелаг одиночных сознаний. Но к одиночеству Dasein философия и без того обращена, тут не требуется никакого дополнительного самоопределения. Если же смена идентификации все-таки предпринимается, например, в поисках новых резонансов слышимости и востребованности, приходится полюбить первого встречного таким, каков он есть. Это значит – внимательно вслушиваться в новую тональность Gerede, отслеживать попытки консолидации косноязычной речи, с уважением или по крайней мере с заинтересованностью относиться к анонимным фигурам анонимного языка.

Взять на себя миссию вразумления невразумительной речи – задача, не лишенная притягательности, когда-то этим путем шли Данте и Петрарка, Рабле и Мартин Лютер... Сегодня дискурсивная техника постмодернизма широко использует нарезку из неприхотливых высказываний культуриндустрии и сферы mass media, но при этом воспроизводится та же дистанция, которую еще Гегель выбрал по отношению к

здравому смыслу. Постмодерн – это отчет перед инстанцией Высокой философии о результатах служебной командировки в зону общедоступной культуры, полуфабрикатной истины и «свободы», прекрасно чувствующей себя на поводке политкорректности. Попытка нового самоопределения философии, напротив, должна быть связана с безотчетным пребыванием в ПСК, с долей самозабвения и без оглядки на требования высоких инстанций. Такое пребывание требует внимательности, искренности, своеобразного бесстрашия перед наивностью и банальностью первого встречного. Что, как и в первом случае, наверняка означает исключение из цеха дисциплинарной философии.

Обвальное разрушение бастионов круговой обороны от мира, почти полная отмена паролей и кодов доступа существенно упростили процедуру самоидентификации субъекта. Быстрорастворимый культурный паек усваивается без всяких усилий, по существу, демонтированы и пограничные барьеры инициации. Проблема «стать самим собой» из сверхзадачи превращается в простое усвоение рецептуры, поскольку отмечаться на контрольных пунктах больше нет необходимости. Сегодня подтверждать свое «попадание» в тендер, в определенность свободного гражданина или культурного человека, равно как и попадание в признанность или в струю моды, достаточно легко, поскольку все эти эталоны изъяты из трансцендентного и размещены непосредственно в плоскости континуума. Зачем каждый день идти

на бой за что-то неосязаемое, если можно собрать пять наклеек от бульонных кубиков и выиграть поездку на Гавайи, а заодно и приз признанности. Есть, понятное дело, и свои трудности, но это уже не те трудности, что определяли бытие-к-смерти. Они преодолимы, если только отказаться от завышенных притязаний. Тогда можно решить триединую задачу обретения собственной аутентичности: избавиться от шести признаков нездоровых волос, от фаллократических привычек, а главное, от недоверия к первому встречному. В соответствии с упрощенной процедурой сегодня достаточно быть кем-то, хотя бы первым встречным, чтобы получить подтвержденный статус признанности в качестве субъекта.

Снижение требований признанности до минимума приводит к любопытным, но очень характерным последствиям: в принадлежности к континууму не отказывают и существам, не принадлежащим к виду *homo sapiens*, – домашним и диким животным (если они неагрессивны и «свободолюбивы»), динозаврам, персонажам мультиков, инопланетянам, оборотням и вампирам. Чтобы признать сопринадлежность любого существа к новому континууму плоской субъектности, вовсе не требуется съедать с ним пуд соли, ходить в разведку или делиться заветными мыслями; достаточно того, чтобы он (или, скорее, оно) не трогал(о) меня, тем более что эта минимальная лояльность как раз и задает предел вместимости Другого в собственные структуры понимания и сопереживания. Больше инаковости просто не поместится, уро-

вень возможной рецепции иного практически совпадает с уровнем приветливости к первому встречному. Внутри континуума, сменившего гегелевский Weltlauf², прослеживается резкое сужение разброса аффектов (анестезия), сокращается глубина погружения в культуру или, если угодно, высота взлета; все это дополняется распрямлением множества тайных пружин, очень может быть, что сегодняшние «очерки нравов» показались бы Ларошфуко или Шамфору чересчур пресными.

Англо-саксонская цивилизация (прибегнем к этому условному термину) и в первую очередь Америка как общество самой последовательной демократизации в известном смысле уже обеспечила для рядового гражданина доступность всех измерений духа; именно она в зримой форме демонстрирует и лицевую, и оборотную стороны медали.

Так, нельзя не признать определенных достижений, скорректировавших естественный ход вещей в отдельно взятом анклавности. В этом анклавности постиндустриального общества едва ли не впервые в истории цивилизации удалось несколько потеснить коррупцию и семейственность, удалось поставить под сомнение априорную привилегированность *родича*. Но похоже, что урон, который при этом претерпели узы родства, существенно превышает прибыль, полученную

² «Естественный ход вещей», его анализу посвящена пятая глава «Феноменологии духа», где Гегель демонстрирует, как вся совокупность превратностей работает в конечном счете на поддержание незыблемости естественного хода вещей (Гегель. Феноменология духа. СПб., 1992. С. 152–208).

от «оздоровления социального климата». Родственные связи стали значительно меньше влиять на деятельность в сфере публичного, зато сама публичность с ее абстрактными, наигранными эмоциями вторглась на территорию частного, вмешавшись в отношения с теми, кто никогда не рассматривался как первый встречный. Конвенциональность социальных ролей продолжает свое наступление на безусловность родственных уз.

Любопытным в этом отношении документом являются брачные контракты, число страниц в которых измеряется уже десятками. В них оговаривается все, включая запрет или «нормирование» использования крепких выражений³. Такие же формальные моменты (вообще свойственные англо-саксонской цивилизации) получают свое преобладание и в сфере воспитания детей. По отношению к ним исполняются формальные обязательства, причем исполняются неукоснительно, в противном случае любой посторонний может указать полиции на ненадлежащее исполнение родительского долга – как если бы речь шла о невозврате задолженности по кредитам. О таком формальном понимании долга Канту приходилось только мечтать. Но и дети платят родителям той же монетой, в результате *отчий дом* в современной Америке – это дом престарелых – разумеется, вполне комфортный дом, где удовлетворяются все разумные, точнее говоря, рациональные потребности. Дети регулярно, по графику, на-

³ Marriage Activity in Modern America. Ed. by J. C. Peannet. N. Y., 2001. P. 84.

вещают своих престарелых родичей, уделяя им столько же внимания и доброжелательности, как и *клиентам*.

Согласно социологическим опросам Public Welfare Foundation, более четверти американцев не знают имени своего деда⁴. Что бы ни значил этот факт с точки зрения морали, он имеет вполне определенный смысл с позиций структурной антропологии. Существует любопытный критерий зрелости цивилизации, предложенный Грегори Бейтсоном: чем архаичнее общество, тем больше глубина родовой памяти. В наиболее продвинутом по этому критерию американском обществе каждый третий не помнит имени своего деда, а во всемирно известном благодаря Леви-Строссу племени боро-ро любой пятилетний мальчик знает имя своего прапрадеда в седьмом колене, не всегда умея при этом считать до семи. И различие между Россией и Америкой состоит прежде всего в том, что в Америке уже наступила анестезия, и граница между «родными и близкими», с одной стороны, и «первыми встречными» – с другой едва уловима. Тем самым новая модель сборки человеческого в человеке запущена в серию и успешно (по-своему) действует. В России, при всей социальной катастрофичности повседневного бытия, о какой-либо анестезии говорить не приходится, напротив, общество находится в состоянии воспаленного отцеприимства, о чем, между прочим, и свидетельствует передний край современ-

⁴ Ibid. P. 104.

ного кинематографа⁵.

Утеря терминов родства идет параллельно с другими сходными процессами. Все в совокупности они реализуют упрощенный процесс сборки субъекта, выработанный философией и социальной практикой Просвещения. Можно лишь сказать, что англо-саксонская цивилизация дальше других продвинулась в этом направлении и обзавелась некоторыми константами необратимости, включая утерю различия между местоимениями «ты» и «вы» на грамматическом уровне.

Перерождение межличностных коммуникаций видно, так сказать, невооруженным глазом. Но, пожалуй, еще более важным моментом является проникновение принципа политкорректности в человеческую сенсорику. Уже в «Диалектике Просвещения» Адорно и Хоркхаймер отмечали «стремление к минимизации чувственного присутствия». Следует быть как можно незаметнее, чтобы не бросаться в глаза, чтобы так и оставаться первым встречным пред лицом первого встречного. Не привлекать внимания и не обращать внимания – утопия вежливости, вполне тем не менее реализованная на повседневном уровне. Главное – никакой агрессии, и тут вроде бы нечего возразить, но понятие агрессии сегодня расширилось до невообразимых ранее пределов. Слишком оживленный разговор в публичном месте –

⁵ См.: Секацкий Александр. Отцепимство // Сеанс. 2005. № 21–22. С. 199–205.

агрессия, случайное сокращение дистанции между прохожими – тоже агрессия, о «сексуальных домогательствах» нечего и говорить. Допустим, *близкие* все воспримут как должное – но что может значить мнение близких по сравнению с удобством первого встречного?

Уже лет десять назад в качестве проявления агрессии стало восприниматься использование духов и дезодорантов, сегодня эта тенденция дошла наконец до официальных запретов «применения» духов в офисах и некоторых публичных местах. Остается ждать включения сильнодействующей парфюмерии в разряд химического оружия. Возможно, что следующим шагом станет запрет специй и пряностей на «предприятиях общественного питания», ведь переход к *безвкусной пище* вполне можно расценить как новую победу над агрессией. Пока очевидно лишь одно: попытка построить мир, где «все люди братья», безнадежно провалилась. Похоже, что строительство мира, где все друг другу посторонние, продвигается куда более успешно.

Теперь от системы внешних оценок перейдем к внутреннему отчету – подобные челночные движения нам придется совершать еще не раз, чтобы добиться объемного изображения. Очень важно проследить «скромное обаяние» ПСК так, как оно видится изнутри, тем самым мы получаем возможность выявить основания и пределы его жизнеспособности. Позитивные оценки своей среды обитания адаптированными к ней субъектами сводятся к двум главным пунк-

там: к прозрачности и предсказуемости. Эти моменты существенной экономии присутствия противопоставляются любой критике в качестве универсальных компенсирующих факторов. Ну ладно – пусть «потворство низменным вкусам», сглаживание духовного рельефа, анемия гражданского самоопределения, поверхностность, нарастающее забвение культурной традиции, etc., но *зато* — прозрачность основополагающих отношений, отсутствие скрытых угроз, хотя бы в силу разблокирования самого *скрытого* в качестве прибежища традиционного субъекта. Должны же быть какие-то дивиденды, полученные от упразднения сокровенного... Теперь, по крайней мере, все подводные камни и камни преткновения находятся в пределах визуального контроля. «Ближние» с их бесконечными претензиями уравнены в правах с первыми встречными, не говоря уже о «дальних», с которыми непосредственная встреча не грозит. Их проблемы теперь стали прозрачны (в частности, благодаря mass media) и даже получили статус общечеловеческих проблем. Основания для превосходства, определявшегося принадлежностью к определенному уровню иерархии (к благородным, к знающим, к богоизбранным), упразднены уже Просвещением и сопутствующими буржуазными революциями, теперь же наконец упразднены основания и для *чувства превосходства*. Все привилегии стартовых позиций, все «региональности» заменены единой стратегией успеха.

Эта стратегия имеет общий алгоритм, но для большей

универсальности она снабжена еще датчиком случайных чисел: этот датчик в последний момент определяет, кому именно высунуться в окна mass media. И этим не исчерпываются преимущества новой имманентной среды обитания субъекта (ПСК).

Существенно еще и то, что индивиды, «собранные» в соответствии с новой моделью сборки субъекта, к такой среде адаптированы; не то чтобы они чувствуют себя здесь совсем как дома, но другого дома у них точно нет. Критика массовой культуры от имени европейской метафизики для них то же самое, что проповедь воздушной стихии для рыб: рыбы могут признать преимущества воздушной среды в соответствии с аргументами чистого разума, но не перестанут от этого быть рыбами.

Именно принадлежность к разным экзистенциальным проектам и обуславливает в первую очередь взаимное непонимание классических субъектов и их наследников. Достоверность бытия в пространстве публичного, достоверность дистанций высокой культуры, экзистенциальный пафос истины – все повисает в воздухе. Дело в том, что теперь эти требования чужеродны и попросту нераспознаваемы, им не соответствует никакая внутренняя достоверность присутствия. Тенденция к аутизму, ставшая простой наличной данностью (подобно уклонению к неврозу, присущему субъекту во времена Фрейда), требует для себя приемлемого устройства социума, и это требование принято к исполнению. Су-

существующие тенденции тем самым вполне могут рассматриваться как движение в сторону обретения «оптимума условий существования» (Ницше). Для уходящего с исторической арены классического субъекта они суть потери духа, для нового индивида, адаптированного к ПСК, наоборот, достижения или *завоевания*. В таком двойственном свете предстает девальвация сокровенного (в порыве откровенности субъект всегда провозглашал: «Мне нечего скрывать!» – но только теперь скрывать стало действительно нечего) и все большее сближение субъекта с вещами по своему *внутреннему устройству*. Несовместимость двух моделей сборки уже начинает проявляться на уровне реакции избегания: *правильные индивиды* должны держаться подальше от «подозрительных субъектов» и наоборот; сохраняющие верность традициям должны противопоставлять себя обитателям ПСК. Так философия, поскольку она монополизирована классическим субъектом, демонстрирует реакцию теоретического избегания. Но, как уже отмечалось, демонстрирует очень непоследовательно, пытаясь развести в разные стороны единые по своей сути процессы, например демократизацию истины и инфляцию гражданской правомочности. С таким же успехом можно было бы пытаться разделить две составляющие дождя: то, что он освежающий и *живительный* (достижение, которое следует всячески приветствовать), и то, что он *мокрый* (наверное, потому, что это еще не совсем правильный дождь).

Испытания чистого разума

Разум привык справляться с традиционными вызовами – с проблемой познаваемости мира, с неподтвержденностью своей причастности к высшим смыслам бытия... Вообще разуму по силам любой противник, которому можно придать умопостигаемую форму. Другое дело обстоятельства неразумной действительности: по отношению к ним возможности разума ограничены. Наиболее продуманный ход состоит в том, чтобы объявить их недействительными: так поступали Кант, Гегель и многие другие представители метафизики. На какое-то время их можно вынести за скобки, ограничившись их облегченной умопостигаемой формой, которая в этом случае обретает роль ярко очерченной мишени для критики.

В отношении нового континуума, преобразовавшего *естественный ход вещей* (Weltlauf), такими факторами явились деньги и газеты – вещи, казалось бы, совершенно второстепенные для трансцендентального субъекта. Их воздействие (в том числе на трансцендентальные принципы устройства разума и самой субъектности) было преодолимым, пока они действовали относительно независимо друг от друга, но ситуация изменилась, когда все факторы сошлись вместе и, так сказать, сработали в унисон. Пока мы в предварительном

порядке рассмотрим участие этих факторов в преобразовании модели сборки субъекта.

Роль денег в качестве фактора, сравнивающего все неравенства (все прочие неравенства), можно считать общеизвестной⁶. По своему разрушительному воздействию на любую социальную иерархию денежное обращение превосходит все прочие факторы, включая и социальные революции (последние зачастую являются санкцией уже произведенных деньгами разрушений). Новый порядок обменов, утверждаемый и утвержденный деньгами, резко ускоряет циркуляцию вещей, сводя даже самые разнородные из них, благодаря товарной форме, в единый континуум. В конце концов конвертируемыми оказываются и такие замкнутые вещественные регионы, как реликвия и милостыня.

Таким образом, деньги утверждают себя как простой и универсальный повод для общения, отменяя заодно множество сложных, «иерархических» поводов. Мир, омываемый денежными потоками, прост и в меру мистичен; можно даже сказать, что мистический неопримитивизм денег аннулирует все прочие мистические составляющие общения и бытия в мире.

Параллельно с усреднением поводов для общения схожие события происходят и в иерархии знаний. Традиционная

⁶ Уже Георг Зиммель рассматривает это обстоятельство как очевидное и не требующее дополнительных обоснований. См.: *Зиммель Г. Философия денег*. М., 2001.

иерархия знающих и приобщенных (неплохо соединявшаяся, в частности, с дисциплинарной наукой) постепенно уступает место континууму информированных: роль газет в этом процессе трудно переоценить. Достаточно полная структурная аналогия денег и новостей способствует резонансному воздействию этих факторов.

Журналистика возникает как санкционированная руморология; начало процесса можно рассматривать как получение импульса ускорения, в результате чего «облегченные», не связанные достоверностью фрагменты знания поступают в круг обменов. Уже преддверие «фельетонной эпохи» (прекрасный термин Германа Гессе) удостоилось не меньшей критики, чем массовая культура в целом. С позиций дорогостоящего сакрального знания выделение чистого листа бумаги для записи непроверенных слухов указывает на некоторое помутнение коллективного разума; если же речь идет о печатной странице, да еще и периодически возобновляемой, перед нами уже очевидный симптом, оценка которого зависит от точки зрения. Симптом может сигнализировать о наступлении новой реальности или о всеобщем помешательстве. Во всяком случае, слово «газета» в переводе с итальянского означает самую мелкую монетку. «Gazetta» – исторический синоним таких русских понятий, как «дешевка» или «ломаный грош»; тем самым определяется одновременно и экономический, и интеллектуальный номинал явления.

Традиционные формы духовных посланий, такие как ма-

нускрипты и книги, вынуждены были потесниться и уступить свое место медиаторам, подлежащим свободной массовой рассылке, в идеале – с доставкой на дом. Событие это оказалось революционным во многих отношениях, ведь «сумма руморологии», сначала просто удостоившись фиксации, обрела постепенно статус общественного мнения, которое, в свою очередь, проделало путь от «мало ли что болтают» к *vox populi*. Соответственно, плоскость газетного листа стала прообразом культурной плоскости еще до формирования среды *mass media*, окончательно определившей раскладовку мира. Культуриндустрия переформулировала определение единичного события и утвердила новое понимание событийности вообще. Сегодня конституирующим признаком события является его *медиапригодность*⁷. «Срезание» труднодостижимых культурных вершин и «засыпка» эзотерических глубин – таким предстает процесс дальнейшего «расколдовывания» мира, если воспользоваться термином Макса Вебера. Выравнивание рельефа шло по крайней мере в течение трех столетий, реализуя волю и идеологию Просвещения, но до сих пор лишь в сфере политики принцип равенства получил эксплицитное выражение и был включен в список гуманистических ценностей. Ускорение актов обмена адекватно воплощается и в движении денег, и в бегущей строке новостей. При этом не следует забывать, что разо-

⁷ Секацкий А. К. Труд художника: вид сверху // Ракурс. 2001. № 1. СПб. С. 26–29.

гнать до такой скорости можно лишь то, что предварительно освобождено от своей содержательной нагрузки и отделено от моментов высшей интенсивности присутствия.

Так, вещи, движимые деньгами (товары), уже лишены всех своих биографических составляющих, избавлены от весомой печати мастера и поэтому сдвинуты со своих мест. Это принципиально поверхностные вещи – ровно в том же смысле, в каком мы, например, говорим о «поверхностных взглядах». Вся их полезность или значимость сосредоточена на поверхности, вынесена на пульт, повернута лицом к пользователю – и все они тяготеют к разовому потреблению как к своему идеалу⁸. Следует отметить, что поверхностные вещи вписаны в мир, где уже существует легкое чтение, легкая музыка, «быстрая еда» (fast food), адаптированная истина и облегченная до полной невесомости правомочность гражданина. Лишь в единстве и в содружестве все эти феномены обретают укорененность друг в друге – то, что Делез и Гваттари называли «ризоматической дистрибуцией»⁹.

Взгляд на те же самые явления с другой стороны границы, фиксируя их соприродность друг другу и единому целому, позволяет констатировать факт обретения единства человечества в том смысле, что «человечество» перестает быть тео-

⁸ Такова любимая тема метафизических вариаций позднего Хайдеггера. См., напр.: *Хайдеггер М. Вещь и творение // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет.* М., 1993.

⁹ *Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения.* Екатеринбург, 2007.

ретическим концептом, а становится простой повседневной данностью. Нельзя не признать, что в отличие от всех грандиозных утопий прошлого проект глобализма опирается на социальные и социально-психологические реалии. Главная проблема, как всегда, состоит в «узнавании» замысла сквозь все превратности самовоплощения. Да, «всемирность» массовой культуры карикатурна не только если сравнивать ее с «духовными медитациями» Николая Рериха и Альберта Швейцера, но и с точки зрения вполне рациональных проектов Просвещения (например, американской конституции). Тем не менее для каждого пункта «всемирной отзывчивости» или «действительности разумного» найдется свой коррелят в ПСК.

Так, индивиды, в той мере, в какой они действительно включены в континуум, не чувствуют этнической чужеродности включенных в этот же континуум первых встречных. Пометка инаковости снимается при погружении в поток массовой культуры: эзотерическое становится экзотическим (К. С. Пигров), а качественная иерархическая неопределенность растворяется в количественной шкале, имеющей ряд конвертируемых измерений (деньги, новости, рейтинги, мораль в ее «диснеевском» понимании).

Ясно, например, что размывание иерархий и исчезновение полярностей приводят к оскудению духовных источников в прежнем понимании этого слова. Упадок движущих сил действительно обнаруживается «в окрестностях» тех им-

пульсов деятельности, которые одухотворяли европейское человечество на протяжении нескольких последних столетий. Например, явно иссякла мотивация, названная Максом Вебером протестантской этикой. Но зато генераторы активизма нового типа работают на полную мощность. Деньги создают устойчивое неравновесие¹⁰ между воображаемым и реальным, и этот перепад потенциалов обеспечивает не только разовые «спайковые» разряды алчности, относящиеся к древнейшему типу, но и регулярный ток высокого напряжения – полезную работу в любой точке приложения генератора.

В унисон наиболее универсальной денежной мотивации действует и другой фактор – императив *свежих новостей*. Необходимость ежедневного заполнения пустующих ячеек новостей активизирует инфраструктуру mass media, ориентированную на ежедневную выпечку информационного «хлеба насущного». Представить себе день, в который не случилось бы ничего или хотя бы «ничего достойного публикации», невозможно. Если бы даже человечество проспало сутки подряд (за исключением находящихся под напряжением структур mass media), недремлющие СМИ все равно выдали бы продукцию на уровне среднесуточной медиаемкости. Мир обречен непрерывно передавать репортаж о себе – и

¹⁰ Этот термин, введенный Эрвином Бауэром для описания исходных принципов живого, прекрасно работает и на уровне социальной физики. См.: Бауэр Э. Теоретическая биология. М. – Л., 1935.

эта принудительность сильнее даже коллективной воли трех остальных ветвей власти. Ячейки континуума не могут оставаться пустыми: принудительный вброс ежедневной порции новостей все равно будет осуществляться под воздействием вакуумного насоса воспроизводимых ожиданий – подобно тому, как вброс вещей-товаров вызван циркуляцией коллективного воображения, грезящего на языке денег. «Творческий дефицит» как импульс деятельности в обоих случаях проявляется схожим образом. Воронка, создаваемая разгоряченным воображением, активирует и непрерывно подпитывает волю к безоглядному потреблению. В результате безостановочно крутятся колеса и мигают лампочки иллюзиона современной экономики.

Тем самым система денежно-информационных обменов воспроизводится как универсальный метаболизм социального организма – круговорота, который после долгой насильственной ассимиляции вобрал в себя остатки прежних автономных метаболизмов: сакрального знания, потлача, мироустроительного жертвоприношения. Ассимиляция, соответственно, сопровождалась подчинением прежних территорий – юрисдикция новостей и денег как раз и обеспечивает желаемую прозрачность, разрушая архаические барьеры прежних суверенитетов и обесмысливая ценности, которые не могут передаваться путем облегченных универсальных обменов («не помещаются» в канал передачи).

От имманентности духа к социально-культурной плоскости

Уместно взглянуть на проблему с позиций традиционной метафизической проблематики, привлекая к рассмотрению прежде инородные для нее «данные». Дело в том, что *современность*, взятая в масштабе ее существенности, способна служить аргументом, и притом аргументом решающим, даже для самой имманентной философии. Речь идет не о точке внеположности, позволяющей рассматривать духовное производство как идеологию, а скорее о тезисе Декарта: «Эмпирическое для Бога есть метафизическое для человека».

Решающий аргумент вполне может находиться не в экзистенциальной, а в социальной плоскости; им, как в нашем случае, может быть и сама социальная плоскость, возникшая на месте прежнего высокогорья. Если взять известный тезис Гегеля о разумности действительного, то его судьба служит хорошей иллюстрацией использования такого аргумента, как «современность», которая ведь не сводится к наличному бытию и внешней поступи духа. Является ли природа инобытием идеи, а история – действительностью духа, как полагал Гегель, или же осмысление (приведение к форме умопостигаемости) представляет собой внешнюю, порой

насильственную процедуру, перпендикулярную по отношению к действительности? Теоретического разрешения спор не имеет, в том смысле, что обе «процедуры» могут оказаться неразличимыми в окончательном результате¹¹, поэтому решающее значение принадлежит самой процессуальности, в ходе которой выявляется внутренняя согласованность самости и субстанции или, наоборот, рассогласованность, требующая неустанной «работы негативности».

Любая имманентная философия явно или неявно утверждает принцип умопостигаемости мира. Это может быть «порядок явлений» по Канту или соприродность разума и законов природы по Гегелю. Но «обратная сторона Луны» есть не только у Луны, с точки зрения *подозрительного субъекта*, подобная обратная сторона есть у всех вещей вообще. Сомнения Декарта – это лишь концентрированное выражение неустраимых подозрений субъекта о возможности «манипуляций» на невидимой стороне вещей. Кант принципиально отказывается обсуждать эти возможные манипуляции, Маркс и Фрейд, каждый по-своему, «разоблачают» их сущность. В конце концов, образ калейдоскопа остается вечным примером изнанки имманентного: геометрически правильные узоры, чудесным образом чередующиеся в поле ви-

¹¹ И сам Гегель колеблется в этом отношении, его позиции в «Феноменологии духа» и в «Лекциях по философии истории» заметно отличаются друг от друга. Александр Кожев считал, что духу гегелевской философии скорее соответствует не тезис «всё развивается», а тезис «всё развиваемо» (А. Кожев. Введение в чтение Гегеля. СПб., 2004).

димости, представляют собой результат встряхивания битых стеклышек там, на невидимой стороне.

Вот и обвинения в адрес Гегеля сводятся к «слишком поспешной имманентности» в описании хода вещей (Weltlauf). Критике подвергается прежде всего процедура «снятия» (Aufheben): от Маркса и Кьеркегора до Теодора Адорно мы обнаруживаем целую палитру упреков и разочарований по этому поводу. Если суммировать основные пункты обвинений, получится примерно следующее.

В операции Aufheben разумное настолько нетерпеливо по отношению к действительному, что само действительное мало чем отличается от воображаемого. «Снятие», выполняя роль универсальной отмычки, не дает даже продемонстрировать изощренность разума, чем заведомо занижает планку возможностей демонстративной метафизики. И наоборот, именно в изображении превратностей постклассический разум предстает во всем своем блеске – идет ли речь о превратностях истории, о судьбах влечений или о приключениях благих намерений. Негативная диалектика Адорно стремится вобрать в себя спекулятивную диалектику Гегеля как частный случай, относящийся к уже обработанной духом действительности (например, к образованию), подобно тому, как теория относительности включает в себя частный случай классической механики¹².

Самая яркая аргументация связана с высадкой на об-

¹² Адорно Теодор. Негативная диалектика. М., 2002.

ратной стороне Луны. Пролитая кровь как цемент всякого надежного социально-исторического строительства. Смертность смертных как эликсир интенсификации жизни. Основные инфраструктуры, возникающие не в ходе «поступательного развития знания», а как следствие опробованных в теологии практик цитирования и запрета на повтор-плагиат¹³. Наконец, само линейное дисциплинарное время, вмещающее в себя и экономику со всеми ее стратегиями, как эпифеномен объявленного и отложенного в своем исполнении пророчества¹⁴. Всякий раз площадка имманентного рискует быть перевернутой налетевшим боковым ветром, но все же удерживается в устойчивом положении благодаря «принципу Гёте» (силы, стремящиеся делать зло, в преломлении своей превратности утверждают и укрепляют добро).

Впрочем, превосходные произведения, созданные работой негативности, равно как и чудесные сцепления превратностей, отслежены (чаще всего впервые) зорким оком самого Гегеля. Именно это больше всего в нем и ценила последующая аутентичная философия, отвергая «рояль в кустах», мостик, слишком поспешно возводящий к конкретности понятия. Одним из самых непримиримых противников примирения в лоне понятия был как раз Адорно. Разоблачая ил-

¹³ Петров М. К. Язык и категориальные структуры // Наукоеведение в истории культуры. Ростов-на-Дону, 1973.

¹⁴ Гигерич Вольфганг. Производство времени // Митин журнал. 1992, № 47–48.; Секацкий А. К. Ловушки времени. Там же.

люзии Просвещения, подчеркивая одиночество и разобщенность духа в самых существенных его проявлениях, Адорно обрисовал круг имманентности как самую навязчивую иллюзию разума – разумеется, апеллируя при этом к «действительности». И ошибся. Действительность, понимаемая в масштабе *современности*, продемонстрировала такую степень проницаемости для Единого, какую не решался «усмотреть» даже Гегель.

Вопрос, однако, в том, что же представляет собой *новое Единое*, насколько оно прозрачно в своих особенных проявлениях, какова, наконец, степень его родства с чистым разумом и самодвижущимся понятием? Перед нами проблема узнавания пророчества в его исполненности, вещь не менее загадочная и чудесная, чем «принцип Гёте». Черты общности схватываются с некоторым трудом – например, спекулятивный характер ассимиляций, обеспечивающих единство происходящего. Принцип спекулятивности (за который Гегеля много критиковали) здесь чрезвычайно важен. Спекуляция (*speculatio*) есть, во-первых, *быстрое усмотрение*, если угодно, «верхоглядство», а во-вторых, перепродажа без потребления, говоря словами Гегеля, неразличенность момента соотношения с самим собой. Даже в качестве диалектической процедуры спекуляция всегда преодолевает подозрительность (проверку устраивает *подозрительный субъект*, являющийся со времен Декарта полномочным представителем бытия и субъектом самой философии), однако

в имманентной плоскости «нового Единого» (или «отсутствующего присутствия») спекуляции характеризуются удивительной безнаказанностью.

Мы имеем дело с неким слепым или, лучше сказать, близоруким, расширением соизмеримости сущего. Это, например, спекулятивное расширение гражданских прав вплоть до упразднения самостоятельности и реальности гражданского общества. Это приведение к общему знаменателю (к знаменателю медиапригодности, формы «новостей») разнородных интеллектуальных дискурсов. Сюда же относится перевод всех «региональных желаний» на господствующий язык воображения, на язык денежных грез и фантазмов. Наконец, это и собственно финансовые спекуляции, не утруждающие себя даже экспликацией повода.

Чем дальше продолжается игра узнаваний и неузнаваний, тем более удивительным оказывается сопоставление гегелевской сквозной разумности действительного и всеобщей конвертируемости сущего, которая становится самой эмпирикой современности. Попробуем проделать эту работу сопоставления, хотя она и не столь азартна, как работа негативности, да и вознаграждения за нее нет никакого, одно разочарование.

Итак, вернемся теперь к основополагающему тезису Гегеля: если наличное бытие, например мир вещей, есть *иное* для разума, то принципы (законы) этого иного отнюдь не являются для разума чужеродными. Теперь мы можем сказать

так: если сами вещи, а также явления природы непосредственно не разумны, то уж их «принципы» («know how»), и тем более порядок их обменов и соизмеримости, безусловно имманентны обретенному порядку нашего присутствия. Вот только назвать эту имманентную сопричастность «разумом» или «понятием» – значит посмеяться над всей европейской метафизикой. Ибо процедура конвертации-ассимиляции, подменившая восхождение от абстрактного к конкретному, не преобразует никакого внутреннего, а довольствуется считыванием нанесенных на поверхность «штрих-кодов» (новостей, цен, знаков политкорректности). Это считывание, дополненное легкостью последующего опредмечивания (сбросом в овеществление), дает на выходе вещи и услуги в неотслаивающейся товарной упаковке и «явления природы» в их экологическом измерении. Образующийся континуум сквозной проницаемости, скажем так, *внезаумен*, но никакому разуму подобная степень «взаимопроницаемости всего» даже и не снилась.

Каждая эпоха пытается по-своему ответить на вопрос, который в формулировке Константина Крикунова звучит так: «Хватит ли Бога, чтобы обойтись без красной строки?»¹⁵ Философские споры на тему «Имманентен Бог миру или трансцендентен?» по-прежнему далеки от разрешения. Обошлось ли творение без отступлений, абзацев и красных строк, произошло ли оно *на одном дыхании*, так сказать, «на выдо-

¹⁵ Крикунов К. Ты. СПб., 2004. С. 36.

хе» или потребовало многоступенчатого возобновления усилий? Мы можем лишь отметить, что мир, удерживаемый в одной плоскости, преобразован в файл, в котором нет ни отступлений, ни красных строк, ни тем более разрывов текста...

Признавая в основном этот факт, современная философия сосредоточивается больше на вопросе «Какой ценой?». А поскольку такой поворот вопроса неизбежно ценностно окрашен, в результате обычно получают обличения-разоблачения или, как у Бодрийара, страшилки. Диагностирующее описание извне дает более или менее полную клиническую картину – картину падения, забвения, утраты, амнезии, анестезии и прочих проявлений лишенности. Для философа, поскольку он является философствующим *субъектом*, это своего рода естественная установка, ведь сама реальность субъекта как раз и оказывается избыточной в синтезированной новой имманентности трех демократизаций – в гиперреальности ПСК.

Высокомерный взгляд сверху на открывающуюся равнину наполняет *поэта* скорбью об утраченном. Из переходов, традиционно описывавшихся как становления, исчезает категория «свое иное», в связи с чем игра узнаваний и неузнаваний перестает быть азартной игрой. Паузы, затруднения в идентификации с соответствующими преобразованиями внутреннего из формы «в себе» в форму «для себя» – вся эта филигранная техника больше не применяется для поддержа-

ния имманентности ПСК. Плохо работает такая категория, как инобытие, промахивается «отчуждение», что и понятно, поскольку речь больше не идет о мире сопротивляющегося, подозрительного субъекта, шпиона, всегда заброшенного «не из мира сего». Агенты ПСК просты, как атомарные высказывания Витгенштейна, их зрение не опирается на подозрение – но именно поэтому для аппарата европейской метафизики (философии субъекта) они так трудноуловимы.

Важнейшее диалектическое понятие *свое иное*, опирающееся на выстраданность идентификаций, узнаваний, отождествлений и растождествлений, утрачивает внутреннюю достоверность. На смену приходит категория «соседнего», образцом которой как раз и является *первый встречный*. Соседнее предстает как неопознанное иное и одновременно как неподтвержденное свое. Это, например, культовые предметы бороро в музейной витрине. Это проблемы, которые не более чем «проблемы», решаемые с помощью психоаналитика. А также звероящеры в качестве мультяшных динозавриков. Или несущие благую весть апостолы Христовы в качестве «сотрудников Иисуса, передающих директивную информацию». Это *зрение без подозрения*, не пытающееся подтвердить признанность своего, разоблачить замаскированного чужого, усмотреть обрыв последовательности и начало красной строки. Оно довольствуется тем, что регистрирует неопознанное иное как очередной элемент имманентного ряда, как соседнее и следующее, – после чего вся процедура

распознавания считается выполненной. Каждый новый элемент радует, привлекает внимание на очень короткое время, вплоть до появления следующего. *Соседнее* — это бегущая строка новостей, которая никогда не остановит свой бег. Соседнее двусмысленно, хотя его моменты и не различены как противоположные. То, что не опознано как иное, тем самым автоматически принято за свое, в то же время это принятие отнюдь не влечет за собой ответной признанности или тем более признательности. Для субъекта лучше быть отвергнутым из-за радикальной инаковости, чем быть принятым за кого-то другого¹⁶

¹⁶ Если, конечно, цель «внедрения» не преследуется субъектом специально. Но экзистенциальная шпионология утрачивает в ПСК большую часть своей достоверности. Бытие по принципу «скрываться и выслеживать» лишается в новом континууме своих глубинных резонансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.